Марина Ветрова ✦ Юнона Белова

ИЗМЕНА МУЖА.

Ты повесил на меня долг в 17 миллионов ради любовницы, но миллиардер выбрал меня!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты повесил на меня долг в 17 миллионов ради любовницы, но миллиардер выбрал меня!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты повесил на меня долг в 17 миллионов ради любовницы, но миллиардер выбрал меня! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж подарил мне семнадцать миллионов долгов. А ещё любовницу, поддельные документы и угрозу потерять мамину квартиру.Семь лет я подавала кофе в брокерском центре, пока Глеб строил карьеру за мой счёт. Я верила каждому его слову. Теперь за эту доверчивость придётся платить.Когда я пришла разбираться с долгами, меня узнал Арслан — влиятельный восточный инвестор, которому когда-то наливала кофе.Он предложил помощь. Но за его спокойной улыбкой скрывается человек, способный одним решением разрушить карьеру моего мужа.Глеб уверен, что простая буфетчица ничего ему не сделает.Он ошибается.Скоро предатель будет умолять меня вернуться. Только моё сердце уже выбрало другого.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поручитель 5
Глава 2. Кредитное плечо 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Марина Ветрова, Юнона Белова Измена мужа. Ты повесил на меня долг в 17 миллионов ради любовницы, но миллиардер выбрал меня!

Глава 1. Поручитель

Курьер в тёмно-синей куртке позвонил в дверь без четверти девять утра — в ту самую минуту, когда моя турка только-только начинала поднимать пену. Я сняла кофе с огня, вытерла ладонь о фартук — привычка семи лет у буфетной стойки, я и дома хожу в фартуке, — и открыла.

— Антонова Злата… — он сверился с планшетом. — Лично в руки, под подпись.

Планшет он повернул ко мне экраном, я поставила закорючку, и дверь закрылась, оставив меня наедине с плотным конвертом цвета горького шоколада. Такая бумага не бывает хорошей новостью — я семь лет разносила счета в брокерском центре «Кварц» и знаю: чем тяжелее лист, тем хуже весть. Лёгкий листок — «спасибо за покупку». Толстый, с тиснёным логотипом — «теперь вы нам должны».

Логотип был чужой. Башня, похожая на шахматную фигуру, и под ней — «Вазир».

Я села на табурет. Мамин чайник закипел и запел за спиной — тонко, ревниво, требуя внимания, — а я резала конверт кухонным ножом и выкладывала листы на стол, как выкладывают товар на прилавок.

«Уведомление о предъявлении требований к поручителю».

Первый раз я прочла эту строку и не поняла ни слова. Второй — поняла, но не поверила. Слово «поручительство» я знала всю жизнь, только по-своему, по-буфетному: поручитель — это та, кто на кассе махнула рукой и разрешила чужому человеку уйти в долг за счёт своей смены. Он не вернётся — спросят с тебя. Я думала, это моя личная глупость на триста рублей. Оказалось — юридический термин. С печатью.

Дальше шли цифры, и я полезла в них ногтем, как в разлиновку.

Семнадцать миллионов четыреста тысяч рублей.

Я умею считать в чашках — иначе в моём мире не считают. Одна чашка кофе с моей стойки стоила сто пятьдесят рублей. Семнадцать миллионов четыреста тысяч — это сто шестнадцать тысяч чашек. Я семь лет помнила наизусть триста заказов: кто с корицей, кто без пены, кто «как всегда». Сто шестнадцать тысяч чашек я не налила бы за три жизни, если бы встала к турке завтра и не отходила до конца.

Буфет, кстати, закрыли два года назад, вместе с третьим этажом. Из него я вынесла чайник с трещинкой, ящик стаканов и тетрадь в клетку, куда когда-то — сначала для памяти, потом по глупости — записывала чужие имена, даты и «как всегда». Никто её у меня не покупал. Я и не отдавала.

А ниже, отдельным абзацем, шла вторая строка: в залоге у холдинга находится квартира на «Аэропорте». Двушка, где пахнет ванилью и маминым чаем с чабрецом, где чайник до сих пор свистит, потому что я не могу его выбросить. Мамин чайник. Мамин дом. Я положила обе руки на стол ладонями вниз — так кладут их, чтобы успокоиться, — но стол был холодный, и руки не согрелись.

«Залог» я тоже перевела на кухню, по привычке. В буфете это называлось просто: посуда под залог. Оставишь чайник — унесёшь кружки. Не принесёшь кружки — чайник уже не твой.

Я думала, это сказка для забывчивых. Это экономика. Экономика — тот же буфет, только без вежливости.

Я позвонила Глебу. Он взял на третьем гудке, голосом из тех, из которых выходят рекламные ролики: тёплым, бархатным, чуть усталым.

— Солнышко, я на заседании. — В трубке шелестели бумаги, кто-то кашлянул. — Уже звонила, да? Ну, ты же у меня умница. Вечером всё обсудим. Спокойно, за ужином.

— Глеб. Там семнадцать миллионов.

— Злата. — Он произнёс моё имя так, будто это я разбила чашку из-за ерунды. — Это формальность. Страховая, к слову. Само рассосётся. Вечером.

Трубку он положил первым — он всегда кладёт первым, это его способ обнимать без рук. Я стояла посреди кухни и слушала, как остывает мой кофе. Гущу я читать умею — триста постоянных гостей научили в лицо. На дне моей чашки в то утро лежало что-то тёмное и тяжёлое. Я вылила кофе в раковину, не досмотрев.

Ночью Глеб вернулся в одиннадцатом часе — красивый, как объявление: костюм, прищур, след чужого ветра в волосах. Чмокнул в висок, и я уловила на его воротнике незнакомый запах — жасмин, а под жасмином что-то кислое, быстрое, нарочитое. Духи, за которыми гонятся. Мои пахнут домом и ванилью. Эти пахли чужой постелью.

В кармане у него дзынькнул телефон. Он вынул, глянул на экран, прикрыл ладонью — но я уже услышала: из-под ладони тонко прорезался женский смех. Не деловой. Тот, которым женщина смеётся ночью, у самых губ.

— Рита, — ровно сказал Глеб. — Завтра. Да. Всё завтра.

Он убрал телефон и повернулся ко мне с лицом чистым, как распечатанный лист.

— Про письмо, — сказал он и улыбнулся своей лучшей улыбкой, той, за которую клиенты отдавали ему деньги, не читая договоров. — Ты зря накручиваешь. Страховая формальность. Само рассосётся, я обещаю. Попей кофе — у тебя рука дрожит.

Я пошла варить ему кофе. У меня ничего не дрожало. А вот Глебова рука, которая должна была дрожать, подписывала бумаги моим именем — и, кажется, тоже не дрожала.

Я сварила Глебу кофе. Три минуты на малом огне, пену снять трижды, как он любит. Только вместо сахара положила в его чашку соль. Полную ложечку — ту самую, десертную, которой семь лет отмеривала чужое «две без сахара». Размешала. Подала.

Он сидел напротив и рассказывал про завтрашний день: «уладим», «урегулируем», «подпишем реструктуризацию» — и пил. Глоток. Второй. Третий. Ни разу не поморщился.

Вот тогда меня и прошибло по-настоящему — не письмо, не парфюм, не смех из-под ладони. А соль. Человек семь лет пил из моих рук и не отличил сахар от соли. Не глядя подписал — не пробуя выпил. Один и тот же человек. Я смотрела на его гладкий лоб, и внутри становилось очень тихо и очень ясно, как в зале после закрытия: стулья вверх, свет погашен, и ты одна уже знаешь, что завтра здесь откроется другой буфет.

— Сладкий? — спросила я.

— Ты у меня сладкая, — ответил Глеб и допил до дна.

Потом он пошёл в душ — «смывать заседание», пошутил. Барсетку, коричневую, телячью, за которую он когда-то отдал ползарплаты — в тот год, когда мы ещё считали деньги вместе, — он швырнул на тумбочку в прихожей, как всегда: небрежно, замком вверх.

Я стояла перед ней секунд десять. За дверью шумела вода, Глеб напевал.

Замок щёлкнул с первого раза. Он никогда не запирает её от меня — вот в чём дело. Он вообще ничего не запирает. Зачем запирать от того, кто подписывает не глядя?

Внутри лежало его вечное: визитки, зажим для денег, ключи от машины. И серёжка.

Серёжка с камнем — длинная, золотая, с тёмным синим камнем, который поймал свет лампы и вспыхнул, как сигнал. Одна. Не пара. Перчатки и туфли теряются парами, а серёжка

остаётся одна по одной-единственной причине: вторая снята в чужой спальне, а эта забыта здесь.

За стеной шумела вода и пел мой муж — счастливый, безмятежный человек, у которого все формальности рассасываются сами.

Я закрыла барсетку и зажала серёжку в кулаке: камень холодно впился в кожу. Так и застыла — кулак у груди, мамин фартук, квартира, которая с сегодняшнего утра была уже не совсем моей. Впервые за семь лет я не знала, что подать человеку, который вот-вот выйдет из-за двери босый, тёплый, любимый.

Триста заказов я помнила семь лет.

Этот — заказ на всю жизнь — я только что узнала по запаху чужих духов.

Глава 2. Кредитное плечо

Глеб ушёл в восемь утра — поцеловал в макушку, сказал: «созвон по структурной сделке» — и хлопнул дверью так легко, будто в квартире случилось ничего, кроме завтрака.

Структурных сделок я не знала. Зато я умела раскладывать всё по полочкам — этим меня семь лет кормил буфет: пирожки бока к бокам, чашки ручками в одну сторону. Я открыла в кабинете нижний ящик, где он держал бумаги под пачкой «Киндер-сюрпризов», и разложила документы на кухонном столе ровно, как на противне.

Первым лежал кредитный договор. Сумма стояла наверху, гладкая и чужая: семнадцать и четыре десятых миллиона. Я смотрела на неё, как на номер на табло: стоишь с подносом, а твой номер — восемьсот семнадцать, и никто не объяснит, за чем ты стояла.

Дальше — договор залога. Мамина квартира. С чайником со свистком, с ковриком у раковины, с чабрецом в жестяной банке. В чужой бумаге квартира была описана аккуратно, как товар: адрес, метры, этаж. Ни слова про воскресенья.

Листом ниже — «соглашение о соинвестировании»: мамины четыре миллиона, дача и вклад ушли в структуру с красивым словом в названии. И потом — лист с моей подписью. С хвостиком на «А», который я вывожу одинаково с детства. Подпись стояла под «заявлением о согласовании условий страхования», а внутри, мелким шрифтом наискосок: согласие передать имущество в обеспечение обязательств.

Я помнила тот день. Среда, вторая смена, биржа штормила, кофе я варила вёдрами — третья порция за час. Глеб подскочил к стойке, подложил лист прямо на клеёнку, в крошки: «Страховка, детка. Формальность. Нужна твоя рука — жена всё-таки, не тётка». Я подписала между третьей и четвёртой порцией. Не глядя. Триста человек ждали — когда тут читать?

Кредитное плечо — термин красивый. Я перевела бы его через буфет за секунду: это когда тебе дают стремянку, чтобы дотянуться до верхней полки. Стремянка чужая. Полка чужая. А падать — тебе, потому что никто не сказал, кто будет её держать.

У меня было плечо. Стремянку подставил муж. Вниз летела я.

В десять он вернулся за планшетом — свежий, пахнущий дорогим парфюмом. Глянул на стол и без удивления спросил:

— Рылась? Ну и?..

— Семнадцать миллионов, Глеб. Мамина квартира. Ты вписал её в залог под видом страховки.

— Это называется «обеспечение». Бизнес-термин, ты бы не вникала.

— Мама сорок лет копила на эту однушку.

— Рынок сейчас в коррекции, — он взял яблоко из вазы, надкусил. — Всё отыграется.

Он вынул из портфеля новую папку и положил передо мной: «Реструктуризация». Те же цифры, только растянутые: платёж меньше, срок длиннее, сумма сверху — больше. И это я тоже перевела бы через буфет: тебе вместо полной чашки ставят две половинки и говорят — пей медленнее, легче же. Только чая в чайнике на одну, а пить тебе обе.

— Подпиши, — сказал он. — И всё рассосётся. Само.

— Что рассосётся? Долг? Рита?

Я достала серёжку — я продержала её всю ночь в кармане фартука, как гирьку, — и положила поверх папки. Камень поймал свет и сверкнул, маленький синий глаз.

Глеб посмотрел на неё две секунды. Потом улыбнулся — красиво, я эту улыбку семь лет любила.

— Рабочая встреча. Аналитик. У нас отчёты ночами.

— В нашей спальне отчёты?

— Злата. — Он перестал улыбаться. — Подпиши бумагу. Это моя работа, мой риск. А ты — моя жена. Жёны подписывают.

Я закрыла папку и подала обратно:

— Я не подписываю не глядя. Меня этому научил ты — просто не заметил.

Папка легла на стол без хлопка, но листы внутри съехали и высунулись неровным веером. Глеб не сразу убрал руку с яблока. Он перевёл взгляд с бумаги на серёжку, будто выбирал, за что ухватиться первым, и только потом вытер сок о салфетку.

— Ты сейчас устраиваешь сцену из-за украшения?

— Я спрашиваю о подписи.

— А я отвечаю про работу. Ты не понимаешь, что там внутри.

— Поэтому и не подпишу. Прочту сначала.

Он схватил меня за запястье — быстро, сильно; костяшки у меня побелели. Я ахнула не от боли, а от неожиданности. Лицо у него осталось приветливым, голос упал до шёпота:

— Пойми правильно: без твоей подписи я не выплыву. А без меня — ты. Квартира твоя только на бумаге. А бумага — у них.

— Отпусти.

Он держал ещё секунду, и я успела разглядеть за его красивыми глазами кого-то мелкого и жадного, который сует по чужим карманам. Потом разжал руку и разгладил мой рукав, будто мял не он:

— Подумаешь, завтра.

И ушёл.

Два дня он не ночевал. «Объекты. Переговоры. Надо закрыть окна». Банк звонил с семи утра — вежливый механический голос сообщал о просрочке заёмщика и рекомендовал поручителю… Поручитель — это тот, кто остаётся у стойки, когда гость ушёл, не расплатившись. Я слушала, стоя босиком на кухне, и мне было и смешно, и страшно.

На третий день ключ не повернулся. Совсем. Цилиндр блестел новым железом, и я глупо говорила в скважину: «Это я». Квартира за дверью гудела пустотой, как буфет после закрытия. На ступеньке нижнего пролёта ждал мой старый чемодан с наклейкой от Сочи, сверху — пакет: зимние сапоги, коробка с маминими чашками, сложенный фартук.

Консьерж отвёл глаза: «Глеб Станиславович сказал — вы съезжаете». Секретарь из его конторы, когда я дозвонилась, прополоскала мне уши вежливостью: «Злата Антоновна, истерики тут не помогут. Подумайте о реструктуризации».

Я сидела на чемодане между этажами, прижав к животу коробку — чашки звякали внутри, как маленькие зубы.

Соня открыла через двадцать минут — в кондитерском фартуке, в муке. Ничего не спросила. Вытащила чемодан, поставила чайник со сломанной крышкой, и через полчаса передо мной стояла шарлотка — горячая, осевшая, с трещиной сверху, как у всякой честной выпечки. Пахло корицей и антоновкой.

— Ешь, — сказала она. — Потом рассказывай. Потом плакать. В таком порядке, иначе я не пойму.

Я поела и всё рассказала ровно, будто пересказывала чужую смену: письмо, стремянку, половинки чашки, серёжку. Соня слушала, скрестив руки в муке, и в конце сказала своё простое слово:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.